

О.С. Рощина

Новосибирский государственный педагогический университет

К интерпретации рассказа И.А. Бунина «Легкое дыхание»

Аннотация: В статье рассматривается композиция речевого материала и соотношение точек зрения автора и героев в рассказе И.А. Бунина «Легкое дыхание».

Англ. In this article composition of speech material and relation author's and heroes's points of view in I.A. Bunin's story «Easy breath» are considered.

Ключевые слова: композиция, точка зрения, эстетическое завершение.

Англ. Composition, point of view, esthetic tonality.

УДК: 821.161.1

Контактная информация: Новосибирск, ул. Виллюйская, 28. НГПУ, ИФМИП. Тел. (383) 2440126. E-mail: roschina67@mail.ru.

Благодаря статье Л.С. Выготского о «Легком дыхании» И.А. Бунина в отечественном литературоведении сложилось несколько устойчивых представлений, которые, как нам кажется, не вполне исчерпывают интерпретационные возможности в отношении этого рассказа.

Основное положение Л.С. Выготского – «фабула преодолевается сюжетом», – на котором строится его анализ бунинского рассказа, основывается на теоретической концепции формалистов о соотношении фабулы и сюжета как соотношении материала и формы [Выготский, 1998, с. 161]. По мысли Л.С. Выготского, благодаря преодолению фабулы сюжетом «житейская история о беспутной гимназистке претворена в легкое дыхание бунинского рассказа» [Там же, с. 172]. А.К. Жолковский впоследствии отметил, что «вряд ли преодолению фабулы самому по себе можно приписать достаточно определенный тематический эффект» [Жолковский, 1994, с. 111].

Нельзя не отметить, что при этом Л.С. Выготский точно зафиксировал наличие как минимум двух возможных разнородных реакций на этот рассказ – «житейская муть» и «чувство освобождения, легкости, отрешенности и совершенной прозрачности жизни» [Выготский, 1998, с. 171], – которые идут, по его мнению, от фабульного и сюжетного рядов в их раздельности. С этой интерпретацией можно согласиться, лишь оговорив, что наличие различных точек зрения, как доказали М.М. Бахтин и Б.А. Успенский, обусловлено не столько композицией текстового материала, сколько наличием различных кругозоров и точек зрения, репрезентируемых в композиции речевого материала.

Впоследствии большинство исследователей, следуя интенции, заданной Л.С. Выготским (определении материала рассказа как «житейской мути» и номинации последнего абзаца рассказа как «заключительных катастрофических слов автора» [Там же, с. 175]), высказывали различной степени морализаторские оценки в отношении главной героини и говорили по преимуществу о трагической авторской интонации [Афанасьев, 1966; Михайлов, 1987; Горелов, 1988; Смирнова, 1991; Каплан, 1997; Нарушевич, Нарушевич, 2002; Благасова, Омелян, 2004].

Другие исследователи, полемизируя с Л.С. Выготским, предлагали иные интерпретации: «Трагическая развязка не определяется развитием фабулы, а предопределяется законами универсума... <...> ...как бы ни был активен человек, как бы ни были его поступки неожиданны и свободны, – им движет высшая необходимость: реализация заложенных в нем внеличных сил» [Сливицкая, 1974, с. 97]; «“Легкое дыхание” – не просто и не только “эпитафия девичьей красоте” (К. Паустовский), но и – эпитафия духовному “аристократизму” бытия, которому в жизни противостоит грубая и беспощадная сила “плебейства”» [Кучеровский, 1980, с. 237]. Н.М. Кучеровский, единственный из исследователей советских времен, кто замечает, что помимо точки зрения классной дамы в рассказе есть и другие точки зрения («расхожей молвы», начальницы гимназии, казачьего офицера), одинаково опровергаемые в кругозоре повествователя [Кучеровский, 1980, с. 238–239].

В постсоветское время появились работы, в которых «Легкое дыхание» анализируется в русле различных аспектов юнгианской психологии [Килганова, 2000; Шатин, 2003], структурализма [Пожиганова, 1998; Щербенок, 2001], восточной философии [Карпенко, 1998; Положенцев, 2004].

Многоаспектный анализ этого рассказа дал А.К. Жолковский, отметив, в частности, что «важную роль в преодолении фабулы играет виртуозное манипулирование точками зрения» [Жолковский, 1994, с. 111]. Правда, особо это положение никак не развил, и также отметил, что «рассказчик, с одной стороны, воздерживается от прославления героини, а с другой, охотно подчеркивает позитивные эмоциональные реакции персонажей и свои собственные на Олю и ситуацию в целом. Равнодействующей оказывается эстетизация героини, эмоционально сильная и культурно изощренная (рассказом увековечивается эфемерное продолжение ее существования в ветре и памяти другого персонажа), но освобожденная – «облегченная» – от моральных оценок» [Жолковский, 1994, с. 118].

При чтении рассказа несложно заметить, что большинство сюжетно-фабульных сдвигов маркируется автором еще и сменой субъектов высказывания и способов художественного высказывания. Л.С. Выготский насчитывает четырнадцать эпизодов, связанных с сюжетной линией Оли Мещерской и семь эпизодов, связанных с сюжетной линией классной дамы, при этом в одном эпизоде (разговоре о легком дыхании) они пересекаются. Таким образом, по подсчетам Л.С. Выготского, можно выделить двадцать эпизодов. По нашим подсчетам, можно выделить также одиннадцать участков текста, характеризующихся сменой субъекта высказывания и способа художественного высказывания:

1. аукториальное повествование о могиле, детстве, юности Оли Мещерской и вызове в кабинет начальницы гимназии;
2. диалог Оли и начальницы гимназии, сопровождающийся комментариями повествователя;
3. сообщение повествователя о казачьем офицере, убийстве Оли и его словах судебному следователю;
4. реплика офицера судебному следователю;
5. слова повествователя: «В дневнике было написано следующее»;
6. страничка из Олиного дневника;
7. описание города, пути классной дамы на кладбище и ее пребывание там;
8. медитативное высказывание (внутренний монолог) классной дамы «Этот веночек... <...> ...соединено теперь с именем Оли Мещерской»;
9. описание классной дамы;
10. реплика Оли в диалоге с Субботиной о женской красоте;
11. заключительные слова повествователя.

Оказывается, что композиция речевого материала выверена практически с геометрической точностью: вторыми от начала и конца оказываются диалог Оли с начальницей гимназии и ее реплика в диалоге с подругой, также «рифмуются»

третьи от начала и конца сниженные описания офицера и классной дамы и четвертые от начала и конца их собственные высказывания. Центральным высказыванием оказывается дневниковая запись Оли, а обрамляющими и пронизывающими весь рассказ – высказывания повествователя.

В описании Оли Мещерской в начале рассказа повествователь подчеркивает живые глаза, неписанность Оли в привычные нормы и естественность как основу такого поведения и красоты героини: «Как *тщательно* причесывались некоторые ее подруги, как *чистоплотны* были, как *следили* за своими *сдержанными* движениями! А она *ничего не боялась* – ни чернильных пятен на пальцах, ни раскрасневшегося лица, ни растрепанных волос, ни заголившегося на бегу колена. *Без всяких забот и усилий* и как-то незаметно пришло к ней все то, что *так отличало* ее в последние два года из всей гимназии, – *изящество, нарядность, ловкость, ясный блеск глаз...*» [Бунин, 1994, с. 95 – здесь и далее курсив наш].

Помимо этого повествователем описываются две противоположные реакции на героиню: младшеклассниц и сверстниц Оли. Восприятие младшеклассниц по существу совпадает с кругозором повествователя: «и почему-то никого не *любили* так младшие классы, как ее»; «она вихрем носилась по сборному залу от гонящихся за ней и *блаженно визжавших* первоклассниц» [Там же]. Существенно, что во всем рассказе только дети, отличающиеся той же естественностью и непосредственностью, что и Оля, воспринимают ее адекватно точке зрения повествователя, не предъявляя ей каких-либо претензий, счетов, обид.

Восприятие же сверстниц явно недружелюбно по отношению к героине и в контексте повествования очевидно мотивировано завистью: «незаметно *упрочилась* ее гимназическая *слава*, и *уже пошли толки*, что она ветрена, не может жить без поклонников, что в нее безумно влюблен гимназист Шеншин, что будто бы и она его любит, но так изменчива в отношении с ним, что он покушался на самоубийство. Последнюю свою зиму Оля Мещерская совсем сошла с ума от веселья, *как говорили в гимназии*» [Там же].

А.К. Жолковский отмечает: «имя гимназиста Шеншина, упоминаемое лишь однажды, подсказывает, в контексте других отсылок к Фету, литературный источник заглавия рассказа – стихотворение “Шепот, робкое дыханье...”» [Жолковский, 1994, с. 117]. Однако, на наш взгляд, помимо этого, использование фамилии Шеншин в контексте кривотолков может прочитываться еще и как знак прозаизации, быта в противовес опозитизированной Буниным вполне в духе фетовской лирической традиции героине рассказа. В самом стихотворении «Шепот, робкое дыханье...» речь идет о «лобзаниях» и «слезах» на «зарю». Эротический контекст в не меньшей степени характерен для фетовской героини стихотворений 1890-х годов, в описании которой подчеркивается юность и красота.

Как и в случае с точкой зрения сверстниц, точка зрения начальницы гимназии в ее диалоге с Олей профанируется. В описании диалога между ними повествователь формально придерживается точки зрения начальницы, называя, как и она, Олю только по фамилии (шесть раз). Однако сами описания поведения Оли во время этого диалога продолжают семантические ряды, заданные в начале рассказа: «глядя *ясно и живо*»; «присела так *легко и грациозно*, как только *она одна умела*» (кстати, начальница не может этого видеть, так как еще не подняла глаза от вязания); «*просто*, почти весело ответила Мещерская»; «*не теряя простоты и спокойствия*, вдруг вежливо перебила ее» [Бунин, 1994, с. 96].

Внешность начальницы гимназии соотносима с описанием внешности ее подопечных, противопоставленных Оле, как искусственное естественному: «*ровный* пробор в молочных, *аккуратно* гофрированных волосах» [Там же]. Внешняя сдержанность начальницы гимназии («спокойно сидела с вязаньем в руках за письменным столом» [Там же, с. 95]) уступает место внутреннему раздражению, смешанному со смущением («ее матовое лицо слегка *заалело*» [Там же, с. 96]) из-за необходимости продолжать разговор о вопросах полового взросления, который

она сама же нечаянно и начала. В результате чего с ровной интонации (плавные, эмоционально нейтральные речевые периоды в начале разговора, со средней плотностью ударений 0,3) она почти срывается на крик (короткие однотипные фразы с восклицательными знаками со средней плотностью ударений 0,5), резко контрастирующий с «простотой», «спокойствием» и «вежливостью» Мещерской.

Существенно, что Оля и сама профанирует серьезность этой ситуации, так как воспринимает ее практически вне контекста отношений начальница – гимназистка: на вызов в кабинет она бежит «сияя глазами» [Бунин, 1994, с. 95]; на завертевшийся на полу клубок реагирует как котенок или ребенок – «с любопытством» [Там же, с. 96]; сам кабинет ей «нравится» [Там же], а не представляется местом словесной экзекуции; царя на портрете она воспринимает не как необходимый атрибут официального места, а скорее как молодого мужчину: «посмотрела на *молодого* царя, во весь рост написанного среди какой-то *блистательной залы*» [Там же]. Причем эта профанация – не столько сознательная акция, сколько вполне естественный для Оли способ взаимоотношения с официальной, нормативной стороной жизни, значимость которой она попросту игнорирует, нисколько не рефлексируя по этому поводу.

Также не рефлексируя, она игнорирует и общепринятые нормы отношений мужчины и женщины. Характерно, что отношения Оли с поклонниками, в которых она предстает ветреной, изменчивой и бездушной, всякий раз описываются опосредованно через призму чьего-то восприятия: в случае с Шеншиным это кривотолки, в случае с казачьим офицером – точка зрения самого офицера. Повествователь же по этому поводу ни разу не высказывается.

Кругозор казачьего офицера столь же чужд повествователю, как и других героев в рассказе. Исследователи, если и говорят о его сниженной характеристике, то указывают на подчеркнутую повествователем его «некрасивость» и «плебейскость». Однако, на наш взгляд, в этой характеристике не менее существенно еще и то, что этот человек, «не имевший ровно ничего общего с тем кругом, к которому принадлежала Оля Мещерская» [Там же, с. 97], является казачьим офицером. По существу этими номинациями повествователь дает одну из возможных психологических мотивировок поступка офицера. Казачьи войска в дореволюционной армии не были не только элитными, но даже и по сравнению с армейскими частями являлись менее престижными. В свете этого обещание богатой и красивой Оли Мещерской быть его женой давало ему возможность обрести в собственных глазах и глазах окружающих более высокий социальный и мужской статус. Таким образом, выстрел может восприниматься как проявление его уязвленного и мужского и социального самолюбия. В этом же ракурсе может восприниматься и его версия произошедших событий, что существенно понижает достоверность рассказанного судебному следователю: «*офицер заявил судебному следователю*, что Мещерская *завлекла* его, была с ним близка, *поклялась* быть его женой, а на вокзале, в день убийства, провожая его в Новочеркасск, *вдруг* сказала ему, что и не думала никогда любить его, что все эти разговоры о браке – одно ее *издевательство* над ним, и дала ему прочесть ту страничку дневника, где говорилось о Малютине» [Там же]. Да и сама дача показаний в качестве обвиняемого может расцениваться как попытка самооправдания. Существенно и то, что этот рассказ дается не в прямой речи героя, а в пересказе повествователя. Благодаря такой организации речевого материала высвечивается и неартикулированная эмоционально-психологическая реакция офицера на поведение Оли, и завершающая этот эпизод в ценностно-смысловом плане авторских интенций профанирующая реакция повествователя на реакцию героя. В прямой речи офицера дается только малоинформативное в эмоционально-психологическом плане перечисление финальных действий героя в этом эпизоде: «Я пробежал эти строки и тут же, на платформе, где она гуляла, поджидая, пока я кончу читать, выстрелил в нее. Дневник этот, вот он, взгляните, что было написано в нем десятого июля прошлого года» [Там же].

Восприятие жизни самой Оли в рассказе – вне общепринятых представлений о морали, этике или нравственности, как собственно, и пантеистическое восприятие повествователя во многих бунинских рассказах 1910–1920-х годов [Рощина, 1998]. В дневнике, подробно описывая эпизод с Малютиным, она не столько анализирует собственное поведение, сколько регистрирует оттенки собственного эмоционального состояния (от радости до испуга перед открытием в себе женской природы и сексуальности), что объясняет разницу между восторженной медитативной вставкой в начале описания «Нынче я *стала женщиной!*» [Бунин, 1994, с. 97] и медитативным же высказыванием, отделенным от основного повествовательного блока многоточием, противоположной эмоциональной тональности: «Я не понимаю, как это могло случиться, я сошла с ума, я *никогда не думала, что я такая!* Теперь мне один выход... Я чувствую к нему такое отвращение, что не могу пережить этого!..» [Там же, с. 98]. При этом героиня упоминает, что днем она «думала так хорошо, как никогда в жизни» [Там же, с. 97], не сообщая, о чем именно она думала. В контексте рассказа такое описание думания не является его отсутствием. Существенно, что думание появляется, когда героиня «гуляла в саду, в поле, была в лесу» [Там же], то есть в том естественном мире, которому, как выяснится в последней фразе рассказа, окажется соприродным ее легкое дыхание.

По словам Оли, Малютин сам намечает развитие сценария соблазнения, упоминая Фауста с Маргаритой. Однако и в эпизоде с Малютиным, и в отношениях с Шеншиным и казачьим офицером Оля предстает скорее Фаустом, чем соблазненной Маргаритой (а в случае с казачьим офицером Фаустом и Мефистофелем одновременно – в его интерпретации событий), опять же опровергая привычные стереотипы и представляя существом какого-то иного, чем обычные люди, состава. В определенном смысле мечтой о себе умершей она соблазняет и классную даму.

Точка зрения классной дамы, пытающейся понять, «как совместить с этим *чистым* взглядом то *ужасное*, что соединено теперь с именем Оли Мещерской» [Там же, с. 98], так же не совпадает ни с кругозором повествователя, ни с кругозором главной героини рассказа, которые просто не оперируют этическими понятиями, и не делят мир на темное и светлое. А.К. Жолковский полагает, что «рассказчик неявно слит с классной дамой» в плане «торжества “выдумки”» и мотива памяти, и «Бунин выдерживает почти идеальное равновесие, венчая рассказ амбивалентным смешением позиций объективного рассказчика и сентиментальной дуры» [Жолковский, 1994, с. 111, 112, 116]. Стоит добавить, что «выдумка» классной дамы в контексте рассказа недвусмысленно профанируется и структурно соотносится не только с «выдумкой» автора (то есть самим рассказом), но и со столь же сентиментальной, однако ценностной в плане авторских интенций «выдумкой» Оли Мещерской о легком дыхании (соседние эпизоды), подвергаясь таким образом двойной профанации – и со стороны повествователя и со стороны главной героини рассказа.

Можно заметить, что появление «голоса» классной дамы в рассказе предвзвешивает отчасти пародийное в авторском кругозоре (по отношению к восприятию жизни классной дамой) описание города и ее пути на кладбище в бело-серо-черной гамме. В этом описании она сама оказывается черным пятном, и ее путь сопрягается только с темными деталями окружающего пространства, а город и пейзаж лишены черного цвета: «Город за эти апрельские дни стал *чист, сух*, камни его *побелели*, и по ним легко и приятно идти. Каждое воскресенье, после обедни по Сборной улице, ведущей к выезду из города, направляется маленькая женщина в *трауре*, в *черных* лайковых перчатках, с зонтиком из *черного* дерева. Она переходит по шоссе *грязную* площадь, где много *закопченных* кузниц и свежо дует полевой воздух; дальше, между мужским монастырем и острогом, *белеет* облачный склон неба и *серееет* весеннее поле, а потом, когда проберешься среди *луж* под стеной монастыря и повернешь налево, увидишь как бы большой низкий

сад, обнесенный *белой* оградой, над воротами которой написано Успение божьей матери» [Бунин, 1994, с. 98]. При этом пространственное совмещение точек зрения повествователя и классной дамы (проберешься, повернешь, увидишь) не отменяет их качественного различия, и многие исследователи уже обращали внимание на то, что классная дама описывается повествователем как человек, лишенный подлинной внутренней жизни: «немолодая девушка, давно живущая какой-нибудь *выдумкой, заменяющей ей действительную жизнь*» [Там же, с. 98].

«Выдумка» же Оли о легком дыхании в отличие от «страстной мечты» [Там же] классной дамы оказывается в авторском кругозоре самой жизнью. Реплика Оли о женской красоте и легком дыхании, заканчивается вопросом «А ведь оно у меня есть, – ты послушай, как я вздыхаю, – ведь правда, есть?» [Там же, с. 99]. Композиционно в рассказе ответом на этот вопрос оказывается последняя фраза повествователя, утверждающего как наличие этого дыхания у героини, так и его причастность не человеческому, а природно-сущему миру: «Теперь это легкое дыхание снова рассеялось в мире, в этом облачном *небе*, в этом холодном весеннем *ветре*» [Там же].

Существенно здесь и словосочетание «снова рассеялось», благодаря которому, на наш взгляд, снимается возможная драматическая или трагическая интерпретация этого рассказа. Прежде всего, оно заменяет собой слово «смерть», и в отличие от слова «смерть» в слове «рассеялось» нет значения окончательного исчезновения. «Снова» подчеркивает как семантику исчезновения, так и цикличность процесса жизни – смерти, что соположимо с представлением о природном бытии (циклах времен года), где умирание, как и возрождение – лишь временное, но всегда возобновляющееся явление. Как отмечает Г.Ю. Карпенко, «следуя религиозно-философским традициям, Бунин изображал смерть как двойной процесс: с одной стороны, она есть уничтожение, сгорание человеческого тела, праха, с другой, – выделение в человеке нетленного: мысли, любви, души, духа, дыхания – той субстанции, что находится в родстве со вселенским божественным началом и стремится к слиянию с ним» [Карпенко, 1998, с. 44; см. также Положенцев, 2004].

Не менее существенно в этом контексте настойчивое упоминание точного времени года: «апрель», «холодный ветер», «апрельские дни», «весенние птицы», «весенний ветер» [Бунин, 1994, с. 94, 98, 99]. Весна – начало нового природного цикла, и рассеяние дыхания героини в весеннем ветре прочитывается как продолжение жизни, только в качественно ином состоянии и в более гармоничном природном мире. Кстати, по признанию самого Бунина, «Легкое дыхание» писалось на заказ как пасхальный рассказ [Вантенков, 1974].

Таким образом, на наш взгляд, эстетической доминантой этого рассказа является не трагическая концепция бытия, своеобразно совмещаемая с саркастическим завершением героини, как полагают многие исследователи, а пантеистическая идиаллика, где «возврат и идиллическому первоединству, слияние с миром совершается именно в форме саморастворения, единения с течением безначальной и бесконечной природной жизни» [Рощина, 1998, с. 86].

Литература

Афанасьев В.Н. И.А. Бунин. Очерк творчества. М., 1966.

Благасова Г.М., Омельян А.М. Эволюция любовной темы в творчестве И.А. Бунина раннего периода и 1920-х годов // Творчество И.А. Бунина и русская литература XIX–XX веков. Белгород, 2004. Вып. 3. С. 73–77.

Бунин И.А. Легкое дыхание // Бунин И.А. Собр. соч.: В 3 кн. СПб., 1994. Кн. 3. С. 94–99.

Вантенков И.П. Бунин-повествователь. Минск, 1974.

- Выготский Л.С. «Легкое дыхание» // Выготский Л.С. Психология искусства. Минск, 1998. С. 160–180.
- Горелов А.Е. Избранное. Л., 1988.
- Жолковский А.К. «Легкое дыхание» Бунина – Выготского семьдесят лет спустя // Жолковский А.К. Блуждающие сны и другие работы. М., 1994. С. 103–120.
- Карпенко Г.Ю. Творчество И.А. Бунина и религиозно-философская литература рубежа веков. Самара, 1998.
- Каплан И.Е. Анализ произведений русской классики. М., 1997.
- Килганова Г.В. Эволюция женских образов в творчестве И.А. Бунина: трансформация анимы // Творчество И.А. Бунина и русская литература XIX–XX веков. Белгород, 2000. Вып. 2. С. 32–37.
- Кучеровский Н.М. И. Бунин и его проза. Тула, 1980.
- Михайлов О.Н. И.А. Бунин: Жизнь и творчество. Тула, 1987.
- Нарушевич А.Г., Нарушевич И.С. Истолкование рассказа И.А. Бунина «Легкое дыхание» // Русская словесность. 2002. № 4. С. 25–27.
- Пожиганова Л.П. Классическая традиция в рассказе И.А. Бунина «Легкое дыхание» // Творчество И.А. Бунина и русская литература XIX–XX веков. Белгород, 1998. Вып. 1. С. 57–67.
- Положенцев В.И. Любовь и смерть в жизни и творчестве И.А. Бунина. «Полюбив, мы умираем...» // Творчество И.А. Бунина и русская литературы XIX–XX веков. Белгород, 2004. Вып. 3. С. 49–55.
- Рощина О.С. Своеобразие бунинского пантеизма // Дискурс. 1998. № 5/6. С. 84–95.
- Сливицкая О.В. Фабула – композиция – деталь бунинской новеллы // Бунинский сборник. Орел, 1974. С. 90–103.
- Смирнова Л.А. Иван Алексеевич Бунин: жизнь и творчество: Книга для учителя. М., 1991.
- Шатин Ю.В. Скрытый мотив «Легкого дыхания» И.А. Бунина // Сибирский филологический журнал. 2003. № 2. С. 49–52.
- Щербенок А. Заглавие и «Другое» текста («Легкое дыхание» Бунина и «дух Серебряного века») // Критика и семиотика. 2001. № 3/4. С. 197–201.